

Вестник ТвГУ. Серия "ФИЛОСОФИЯ". 2017. № 2. С. 53–59

УДК 165.0

ДОРЕФЛЕКСИВНАЯ ПЛАТФОРМА: НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ОПЫТ

В.В. Ходыкин

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара

Проводится исследование дорефлексивной платформы в аспекте ключевых построений ее смыслового поля. Речь идет главным образом о феномене дорефлексивного опыта, который наполняется данными, поступающими от органов чувств, прежде всего в обычной повседневной жизни людей. Такой повседневный опыт вызывает особый интерес в контексте его возможного использования в качестве специфического инструментария тесной взаимосвязи академической философии и фундаментальной науки со всей духовной сферой жизни общества. В качестве базовых компонентов чувственного опыта представлены схема или образ мира с соответствующей системой предметных эталонов и значений, а также образ индивидуального «Я».

***Ключевые слова:** дорефлексивная платформа, неспециализированный опыт, чувственный опыт, субъект, объект, предмет, смысл, значение, гипотеза, образ мира, образ индивидуального «Я».*

Как широко известно, среди наиболее актуальных в современной эпистемологии и философии науки можно выделить исследование динамики научного познания, как эволюционных, так и революционных аспектов ее проявления. А это, в свою очередь, вызывает особый исследовательский интерес к истории развития познания, а также к культурно-историческим аспектам, в значительной степени определяющих и направляющих всевозможные метаморфозы в рамках научных исследований. При этом само по себе представление о весьма динамичном развитии научного познания столкнулось с необходимостью расширить границы методологии так называемой логико-математической рациональности. В то же самое время такого рода традиционная логико-математическая рациональность видит в основе динамики научного познания главным образом процесс постоянной кумуляции прошедших полноценную проверку опытным путем фактов, а также активное проникновение в необходимые детали исторического и мировоззренческого аспектов когнитивного процесса.

В этой связи, на наш взгляд, будет весьма полезным остановиться несколько подробнее на достаточно широко известном в философской среде феномене, часто именуемом как неспециализированный опыт, который, в свою очередь, сопутствует любому рефлексивному и когнитивному процессу, в том числе и осуществляемому на рациональной основе. В роли неспециализированного выступает повседневный или обыденный опыт, которым наделены все люди. Повседневный опыт люди используют в качестве неотъемлемого инструмента во взаимосвязях академической философии и науки со всей остальной духовной сферой жизни социума. Исследовательская среда в целях обоснования

разработанных ею алгоритмов, схем, методов эвристического поиска практически повсеместно прибегает к весьма внушительному объему информации, с течением времени накапливаемому в недрах повседневного человеческого опыта. В настоящее время, на наш взгляд, пока нет весомых оснований полагать, что феномен неспециализированного опыта в своем структурном разрезе, в качестве фундамента дорефлексивной платформы стал объектом многочисленных полномасштабных исследований. При этом вполне обоснованной можно считать точку зрения, согласно которой в рамках неспециализированного опыта «можно выделить, по крайней мере, три когнитивные его структуры: чувственный перцептивный опыт, естественный язык и совокупность знаний, оцениваемых как здравый смысл» [9, с. 125]. Здесь важно заметить, что в весьма значительной своей части основа неспециализированного опыта в виде непосредственного или живого созерцания становится неотъемлемым компонентом более сложных исследовательских процессов, тем самым ошутимо утрачивая свойство быть явно наблюдаемыми. А это, в свою очередь, может в какой-то степени осложнять фундаментальные исследования живого созерцания в подобном несколько скрытом состоянии.

В современной гносеологии периодически возникают дискуссии о сложности полноценного исследования сущности познавательной активности субъекта. В то же самое время такая активная позиция субъекта по поиску готового знания на рациональной основе иногда ощущает на себе некоторое воздействие весьма укоренившегося традиционного объектного видения окружающей действительности. В частности, известный отечественный ученый А.Н. Леонтьев отмечает, что перед современными теоретическими исследованиями стоит задача «коренного преобразования самой постановки проблемы психологии восприятия и отказа от ряда мнимых постулатов, которые по инерции в ней удерживаются» [4, с. 3–4].

Многочисленные исследования в этой области позволяют нам говорить о широком распространении так называемой стимульной парадигмы в подходе к анализу процесса познания, в которой ключевой тезис заключается в том, что начальный импульс когнитивный процесс получает путем раздражения органов чувств от воздействия на них объекта исследования. Результатом такого воздействия выступает формирование некоего собирательного психического образа в сознании субъекта. Показательно при этом, что процесс такого психического образа в данном контексте видится каким-то весьма простым и очень быстрым, порой даже мгновенным, а сведения, получаемые субъектом посредством чувственного восприятия, становятся базой для построения разного уровня сложности аналитических конструкций. В свою очередь, последние нередко представляют собой уже готовое знание об исследуемом объекте. А субъект такого когнитивного процесса существенным образом часто находится под влиянием сопутствующих внешних обстоятельств.

При этом многие современные исследования свидетельствуют о необходимости корректировки и внесения дополнений в устоявшуюся стимульную концепцию. Речь идет о том, что необходимые компоненты готового знания с глубокой смысловой нагрузкой не могут возникать исключительно из данных, полученных от раздраженных органов чувств и их детального рефлексивного анализа. Подобного рода компоненты как бы проникают в соответствующий собирательный образ как некий чувственный макет изучаемого объекта, при-

существующего в действительности. А это в зависимости от контекста исследования способствует активизации эвристической активности субъекта посредством зарождения в его сознании соответствующих гипотез, теорий, концепций. Таким образом, концепция активности познания предполагает субъекта более самостоятельного и заинтересованного в готовом знании, полностью соответствующего действительности.

В этой связи возникает необходимость обратить пристальное внимание на методологические ориентиры, которые могли бы в максимальной степени способствовать детальному и всеобъемлющему анализу активности всех элементов когнитивного процесса. В среде современных мыслителей на базе уже имеющегося обширного эмпирического материала в науке довольно распространенным является предпочтение так называемого «функционального подхода» или, другими словами, «деятельной парадигмы». Речь идет о возрастании роли функционального подхода, раскрывающего влияние различных когнитивных компонентов, их структурных образований на познавательный процесс. А это, в свою очередь, происходит за счет ослабления роли генетического подхода, акцентирующего внимание исследователя на связи собирательного образа изучаемого объекта в сознании субъекта с его рефлексивными и когнитивными усилиями и сопутствующими внешними побочными обстоятельствами. Поэтому интересна точка зрения отечественного исследователя С.Д. Смирнова, согласно которой «ключевым является положение о том, что не только в практике, но и в теории человек идет к объекту, от образа к его источнику, от внутреннего к внешнему. Ибо только признавая в познании движение от субъекта к объекту, можно понять его как деятельность – деятельность продуктивную и целенаправленную» [7, с. 47–48]. Таким образом, можно констатировать, что эвристические намерения субъекта предшествуют непосредственно проводимым им исследованиям, явно способствуя их активизации.

В результате вполне обоснованно можно надеяться на возможность существенного облегчения в анализе когнитивного процесса посредством отхода от восприятия формирования собирательного образа изучаемого объекта в нашем сознании преимущественно на основе данных, получаемых от воздействия на органы чувств. При этом исходным компонентом познавательного процесса можно рассматривать соответствующую конкретному контексту систему гипотез и теорий относительно окружающей действительности и ее отдельных элементов, которые аналитическим путем зарождаются в сознании субъекта. По всей видимости, это в какой-то степени побудило известного ученого Дж. Гибсона рассматривать «процесс восприятия как поток, аналогичный потоку сознания» [1, с. 339]. Таким образом, речь идет о том, что деятельная парадигма усматривает в начале любого процесса познания соответствующие контексту гипотезы в противовес стимульной парадигме, видящей в роли стимулирующего фактора данные подвергшихся раздражению органов чувств и их детальный анализ.

Такого рода гипотезы во всей своей совокупности формируют в сознании субъекта определенные очертания окружающего бытия как специфическую основу для образного восприятия любого объекта. Соответственно такое представление действительности в виде целой совокупности образов в сознании субъекта может быть ярким индикатором его эвристической активности. По сути дела, это означает смещение акцента в анализе когнитивной активно-

сти на уровне ощущений в направлении предшествующей любой исследовательской деятельности интенции образа действительности, его воздействия на специфику протекания и результаты процесса познания.

Сам по себе процесс восприятия действительности помимо детального анализа данных, поступающих от органов чувств, тесно увязан с весьма сложными и многоэтапными операциями по интерпретации всевозможных аспектов мира вокруг нас. Развивая данную мысль, известный отечественный философ В.А. Лекторский замечает: «Формирование образа восприятия предполагает непрерывное присутствие в сознании в качестве его элемента амодальной, объективной схемы мира, которая может существовать в ткани любой модальности или в виде некоторых мнемических схем. Воспринимаемый мир – это форма существования схемы мира той или иной модальности» [3, с. 142–143]. При этом активно развиваемая в классической философии, в частности И. Кантом, идея кардинального разграничения так называемой пассивной перцепции и активной рефлексии данных органов чувств посредством разума и рассудка в значительной степени подверглась нивелированию в современных концепциях. Например, у Дж. Гибсона ощущаемое бытие на концептуальном уровне уже рассматривается как нечто целостно-расчлененное.

В повседневных условиях процессы чувственного восприятия доступны субъекту практически повсеместно. Элементы материальной или чувственно воспринимаемой действительности, можно сказать, автоматически становятся в нашем сознании некоей констатацией факта их присутствия в окружающем мире. При этом весьма поверхностный взгляд на сложную систему чувственного восприятия в значительной степени создает иллюзию простоты практически любого перцептивного акта как чего-то само собой разумеющегося. Речь в этом случае идет о том, что, по данным современных исследований в этой области, между образом какого-либо элемента материального мира, формирующимся в сознании субъекта в момент его чувственного восприятия, и его так называемым прообразом располагается некое сложноструктурированное смысловое поле.

Показательно еще и то, что смысловое поле со столь сложной структуризацией, по имеющимся у историков философии данным, так и не нашло сколь-нибудь существенного отражения в рамках классической мысли. По всей видимости, это могло быть следствием определенного рода доминанты наличия пустого пространства субъектно-объектных отношений с некоей философской вариацией субъекта, обращающего внимание главным образом на то, что непосредственно доступно нашему чувственному восприятию. Соответственно феномен такого смыслового поля требует более серьезных исследований со стороны специалистов разного профиля. В частности, вполне возможно, что нечто подобное, не доступное поверхностному взгляду, описывал Э. Гуссерль: «...между сознанием и реальностью зияет подлинная пропасть смысла» [10, с. 117]. Это лишний раз демонстрирует нам важность формирования отвечающих данному контексту особых теоретических схем в рамках современной эпистемологии. Все это должно помочь успешно преодолеть рамки того, что известный мыслитель М.К. Мамардашвили характеризует как «пустившее глубокие корни подобное интуитивное мышление в этой области, высвобождая поле для анализа того, что на самом деле происходит в мире и его отражении» [6, с. 72].

В свете изложенного становится очевидным факт наличия в перцептивном процессе такой его составляющей, как интерпретация. При этом нали-

чие интерпретации нами далеко не всегда осознается в полной мере. Очень красноречиво это подтверждает известный ученый Р.С. Грегори: «Чтобы воспринять зрительные образы, их нужно истолковать – только так они могут быть связаны с миром предметов» [2, с. 11]. В нашем случае также важно отдавать себе отчет в том, что не осознаваемая интерпретация чувственным путем полученных образов выступает именно как неотъемлемый компонент перцептивного процесса. Иначе говоря, речь здесь не идет о каком-либо сопутствии, причине или следствии. «Понимать – значит видеть вещи определенным образом, но нельзя видеть, не понимая» [2, с. 11–12].

Вполне естественно, что внутри границ своего традиционного опыта субъект оказывается лицом к лицу со сложностями в понимании его содержания. Это означает, что всевозможные интенции, усилия в направлении преодоления непонимания самых различных явлений и процессов повседневности, мотиваций своей деятельности практически ежедневно присутствуют в сознании субъекта. Все это фактически образует необходимую базу дорефлективного и докогнитивного опыта субъекта. А в силу укорененности в сознании субъекта такая эмпирическая база начинает восприниматься как нечто вполне заурядное, повседневное, не требующее специального анализа и понимания. Правда, при этом можно обнаружить ощутимо более сложные моменты, понимание которых требует глубокого анализа и проработки всех составляющих их деталей в рамках логики и методологии научных исследований.

Важно обратить внимание на то, что всевозможные перцептивные акты не дают нам всей полноты информации, необходимой для фундаментальных исследований. Иначе говоря, любой акт осязания, обоняния, вкусового, слухового или зрительного восприятия не охватывает всех аспектов рассматриваемого объекта. Все это вынуждает нас говорить о том, что каждый перцептивный акт со структурно-функциональной точки зрения всегда предполагает своеобразного рода достраивание вызывающего исследовательский интерес объекта посредством предложения необходимых предметных интерпретаций. Солидная эмпирическая база со всей очевидностью демонстрирует своеобразное размывание феномена понимания по шкале времени, которое возникает в ситуациях недостатка необходимой для исследования информации. А это уже, в свою очередь, убедительно указывает на то, что сам по себе любой перцептивный процесс формируется в случае наличия необходимых для этого эталонов восприятия. В противном случае если в сознании субъекта отсутствуют подобного рода эталоны, то искомая исследователем полноценная комплексная мозаика из всех необходимых аспектов рассматриваемого объекта практически не конструируется.

Анализ перцепции как специфической предметной деятельности нуждается в соответствующей теоретической конструкции. В какой-то степени спецификой чувственного восприятия можно считать то, что субъект в большинстве случаев с исследуемым объектом самым непосредственным образом не соприкасается. В этой связи возникает мысль о возможном наличии специфического опосредующего звена или так называемой чувственной ткани как некоего исходного материала процесса восприятия. Подобного рода чувственная ткань, вероятно, представляет собой нечто устоявшееся в сознании субъекта в виде разного рода совокупности событий, образующих базу для формирования контекстного опыта. Другими словами, «основное функциональное свойство чувственной ткани – представить существующее вовне субъекта по-

ле, к которому относится его перцептивная деятельность, и служить материалом этой деятельности» [8, с. 132].

Резюмируя, можно обратить внимание на то, что активность перцептивной ткани в значительной степени демонстрирует, что собственное человеческое «Я» субъекта исследовательской деятельности воспринимает целостный комплекс транслируемого опыта как нечто имманентное собственной личности и индивидуальности. При этом активному развитию чувственной ткани опыта способствует присутствие в ней самых разнообразных специфических абстрактных предметов, в том числе из повседневного обихода большинства людей. А это, в свою очередь, приводит к так называемому распределению в таких предметах их специфических эталонов восприятия. Такие предметы интенсивно проникают в перцептивную ткань опыта рефлексирующего субъекта, вызывая построения разного рода смысла, схем, норм исследований, специфических образцов сенсомоторных реакций, динамичных очертаний, структур мироустройства. Таким образом, осуществляется постоянное обогащение эмпирической составляющей субъекта в содержательном, структурном и методологическом аспектах. Развивая мысль в подобном направлении, А.Н. Лой вполне логично говорит о том, что «с каждой изменяющейся ситуацией, с каждой новой операцией, с каждым новым орудием или инструментом меняется артикулируемая, фокусируемая часть объектного содержания, соответственно меняется контекст – организация периферийного сознания, происходит постоянный переход с одного уровня на другой» [5, с. 140].

Список литературы

1. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 461 с.
2. Грегори Р.Л. Разумный глаз. М.: Мир, 1972. 209 с.
3. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 358 с.
4. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XIV. «Психология». 1979. № 2. С. 3–13.
5. Лой А.Н. Сознание как предмет теории познания. Киев: Наукова думка, 1988. 248 с.
6. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 82 с.
7. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985. 321 с.
8. Столин В.В. Исследование порождения зрительного пространственного образа // Восприятие и деятельность. М.: Изд-во МГУ, 1976. С. 101–208.
9. Шестаков А.А. Онтология познания: пролегомены к субъектно-гуманистической интерпретации когнитивного процесса. Самара: Изд-во СГАСУ, 2004. 160 с.
10. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phanomenologischen philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einfuhrung in die reine Phanomenologie // Husserliana. Edmund Husserl Gesammelte Werke. Bd. III. Haag, 1950. 483 s.

PRE-REFLEXIVE PLATFORM: NON-SPECIALIZED EXPERIENCE

V.V. Khodykin

Samara National Research University, Samara

The article examines the pre-reflexive platform of experience in the perspective of its semantic field analysis. The phenomenon of pre-reflexive experience, which is formed primarily by the sense data of the everyday life, is studied in detail. Such daily experience provokes a specific interest due to its possible use as a specific tool establishing close relationship of academic philosophy and fundamental science with the totality of spiritual sphere of social life. The basic components of sensory experience are represented by the image of the world with an appropriate system of substantive standards and values, as well as by the image of an individual "I".

Keywords: *pre-reflexive platform, non-specialized experience, sense experience, subject, object, subject, sense, significance, hypothesis, image of the world, the image of an individual "I".*

Об авторе:

ХОДЫКИН Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Самара. E-mail: VKhodykin@yandex.ru

Author information:

KHODYKIN Vladimir Vladimirovich – Ph.D., Associate professor of philosophy Dept., Samara National Research University, Samara. E-mail: VKhodykin@yandex.ru